

**Революция 1917 г как лаборатория новой культуры?
Дискурс, язык и художественное измерение**

**Международная конференция, организованная научной группой CIRRUS лаборатории
Eur'ORBEM (CNRS/ Университет Париж-Сорбонна, UMR 8224) совместно с
лабораторией ERLIS (EA 4254) (Университет Нижней Нормандии, Кан)
при поддержке Французского научного центра в Москве**

21-23 сентября, Париж; 25 сентября, Кан

События последних десятилетий в значительной мере повлияли на наши подходы к изучению революций 1917 г. Приходится констатировать, что Октябрьская революция практически ушла с поля российской «политики памяти». Наилучшим доказательством этого оказывается исчезновение из календаря праздника 25 октября (7 ноября по новому стилю), замененного на «день национального единства», отсылающий к капитуляции польско-литовского гарнизона Москвы в 1612 г.¹ Это исчезновение, которое не стоит путать с табу, создает благоприятные условия для международного научного сообщества, возвращающегося к переосмыслению русской революции в канун ее столетнего юбилея.

Три фактора кажутся сегодня решающими для изучения истории революции.

Во-первых, это смена поколений в научном сообществе. Поколение, которое начиная с 1960-х гг. оказалось ведущим в дискуссиях о революции, к сожалению, уходит со сцены. Многие представители этого поколения разделяли одну из «великих иллюзий» ушедшего века – иллюзию возможности возврата к принципам революции, преданным в 1920 – 1930-е гг. Но исследования, заданные подобной оптикой, на практике оказывались гораздо богаче и не сводились к поиску точки невозврата, после которой правильный путь был утерян.

Во-вторых, это, конечно, определенная деидеологизация науки. Например, исследование Февральской революции перестало быть признаком отклонения от «генеральной линии» - или прибежищем сторонников конспирологических объяснений – и при этом объединилось с исследованием Октябрьской революции, образовав единый объект, которому соответствует одно и то же научное сообщество. Знаменательным для этого поворота является название серии сборников, выпускающихся педагогическим университетом в Петербурге - «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды».²

Показательно, что для Йорга Баберовски не Октябрь, но именно Февраль оказывается той точкой невозврата, после которой безвозвратно исчезает весь дореволюционный государственный строй, включая губернаторов и органы юстиции, земства и парламент, а также основные законы.³ Главным результатом оказывается регресс общества, его «моментальная архаизация». Логика этих аргументов очевидна, хотя по отдельным частным вопросам и хотелось бы возразить. Одновременное появление подобных подходов в рамках нескольких историографических школ, относительно независимых друг от друга, свидетельствует о том, что речь идет не об историографической моде, но о своего рода отклике на существующий вызов.

В то время как историки – а вместе с ними и лингвисты – склонны ставить под сомнение представление о радикальном разрыве с прошлым, опираясь при этом на политические дискурсы, сформировавшиеся еще до революции, то для искусствоведов, историков театра и кинематографа идея непрерывности развития может показаться скорее неожиданной, но заслуживающей внимания.⁴ Перечень новаций и разрывов общеизвестен – здесь и выбор

---

¹ О взаимодействии исторической науки и «политики памяти» см.: Kolonitskii B. « Russian Historiography of the 1917 Revolution : New Challenges to Old Paradigms ? » *History & Memory*, vol.21, N 2, 2009, p.34-59.

² *Революция 1917 г. В России: новые подходы и взгляды*, Санкт-Петербург, 2009, Санкт-Петербург, 2010, Санкт-Петербург, 2011, Санкт-Петербург, 2012, Санкт-Петербург, 2013.

³ Jörg Baberowski, *Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt*, München, 2012, p.49.

⁴ Jean-Michel Palmier, *Lénine, l'art et la révolution*, Payot, 1975.

Маяковского, вынужденного после революции отойти от своих слишком элитарных футуристских установок, и решение Мейерхольда покинуть Дирекцию императорских театров, чтобы стать провозвестником «театрального Октября», и создание агитпоездов и агитпароходов, призванных превратить неграмотных кустарей и крестьян в «новых людей»⁵. Кроме того, само создание Наркомпроса в 1918 г., объединившего в себе руководство образованием и искусствами стало знаком такого управления литературным и художественным творчеством, которого до тех пор в не существовало. Но Анатолий Луначарский, оказавшийся во главе этого учреждения, ключевого для культурной политики, воплощал скорее не радикальный разрыв, а преемственность и умеренность в революции, призывая одновременно и к сохранению культурного наследия, и к созданию новых форм⁶. Мы находим его среди основателей движения по созданию «пролетарской культуры», начинающегося после Февральской революции. Для того, чтобы привлечь массы, создатели большевистской культуры и пропаганды обратились к традиционным средствам, восходящим к лубку и иконе, а также к народным или религиозным литературным формам – которые, кстати, уже присутствовали в авангарде.

Идет ли речь о радикальной инновации, созданной *ex nihilo*, или о перехвате и переориентации старых форм? Диалог между старым и новым продолжится и после 1917 г., вплоть до середины двадцатых годов.

В-третьих, совершенно иначе видится сейчас влияние революций 1917 г на Центральную и Западную Европу. Начавшись в России, революция сначала будто бы порождает центростремительное движение: ставшая возможной благодаря распаду Российской империи, а также других империй и государств, она стремится охватить все европейские страны, чтобы добиться своего триумфа. Но финская, австрийская, германская, венгерская и итальянская революция оказываются скоротечными или вовсе обреченными за неудачу - точно так же, как и попытка «экспорта революции» в Польшу. В результате в обескровленной и изолированной Советской России усиливаются центробежные тенденции - она экспортирует уже не революцию, но эмигрантов, в том числе интеллектуалов и художников, обосновывающихся в странах центральной и западной Европы. И до, и после 1917 г. революционные проекты влияют на переделку ментальной карты Европы не меньше, чем военные реалии, ставя под сомнение привычные представления о границах, территориях и нациях. Для уяснения последнего явления необходимо обращение к «новой культурной истории».

В этих условиях вырисовываются основные интерпретации событий 1917 г. Первая, рассматривающая 1917 г. сквозь призму «новой культурной истории», заявлена была в книге Бориса Колоницкого и Орландо Файджеса. Колоницкий и Файджес увидели в «культуре революционного подполья» источник ритуалов и культурных практик, получивших широкое развитие в России между двумя революциями, а тем самым - и элемент преемственности, который соединил «до» и «после».⁷

Иной подход, связанный с антропологией и социологией насилия, предлагает монокаузальное объяснение не только для революции 1917 г., но и для последующих событий. Это объяснение сводится к саморазвертыванию насилия в обществе, испытывавшем опыт войны⁸. Согласно Владимиру Булдакову, политические партии и их лидеры могут только направлять это насилие, но размах и периодичность его всплесков неподконтрольны им.⁹

---

⁵ *Le Theatre d'agitprop de 1917 à 1932*, T.1 et 2. L'Age d'Homme/La Cité, 1977.

⁶ A. Lounatcharski, *Théâtre et révolution*, Maspero 1971, Léon Trotsky, *Littérature et révolution*, Julliard, 1964, Sheila Fitzpatrick, *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky October 1917-1921*, Cambridge University Press, 1971, rééd. 2002.

⁷ Orlando Figes and Boris Kolonitskii. *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*, New Haven and London, Yale University Press, 1999.

⁸ В некоторой мере этот подход может рассматриваться как продолжение идей Джорджа Мосса. George Mosse, *De la Grande Guerre au totalitarisme : la brutalisation des sociétés européennes*, Hachette littératures, 1999.

⁹ Булдаков В. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия, Москва, 2010.

В связи с этой структурой конференции, мы предлагаем три сюжетных блока, каждый из которых соответствует одному дню конференции. Первый из них – «Языки и дискурсы» - в значительной мере обращен к историкам и лингвистам. Второй - «Старое и новое. Перестройка, переосмысление, инновация» - обращен к истории культуры, истории литературного и художественного творчества. Третий будет посвящен рецепции русских революций 1917 г в странах центральной и западной Европе, их влиянию на культуру, политику и науку. Заседания, посвященные первому и второму сюжетному блоку, пройдут в Париже, а третьему – в Кане.

Первый тематический блок.

- Проекты аграрной реформы между Февралем и Октябрем.
- Право, юстиция и революция.
- Эмансипация и предоставление политических прав женщинам, в том числе выборы в Советы, в городские думы и в Учредительное собрание.
- Старая армия и новая армия
- Выборный принцип в Церкви
- Деньги и инфляция
- Изменения в разговорном и литературном языке.

Второй тематический блок

- Кинематография и революция (1910-е – 1920-е гг.)
- Карикатура и политический плакат (1914-1921)
- Литературный авангард
- Традиция и новаторство в изобразительном искусстве
- Отражение насилия
- Октябрь в театре
- Новации в музыке
- Государственное регулирование гендерных ролей в советском обществе
- Реорганизация образования и культуры (национализации, роль Луначарского, агитпроп, Пролеткульт)

Третий тематический блок воспроизводит проблемы второго, добавляя к ним тему политических связей между российскими и западными интеллектуалами в новых политических рамках.

Просьба присылать заявки на выступления (около 15 строк) на английском, французском и русском языке до 15 октября 2016 г. Marie-Christine Autant-Mathieu, Eur'ORBEM (autant.mathieu@wanadoo.fr), Boris Czerny, Erlis, Caen (bczerny@aol.com), Aleksandr Lavrov, Eur'ORBEM (allavrov@yahoo.com).

На один доклад, включая дискуссию по нему, отводится полчаса.